
Е.А. Мельникова

НА ПЕРЕКРЕСТЬЕ ЯЗЫЧЕСТВА И ХРИСТИАНСТВА: КЛЯТВЫ МИРА НА РУСИ И В ИСЛАНДИИ

В эпоху перехода от язычества к христианству влияние новой веры проявлялось крайне неравномерно в разных сферах жизни общества, а формирующаяся церковная организация следовала разным стратегиям при взаимодействии с язычеством – при общем отрицательном отношении к нему. Ярким частным примером этому может служить практика принесения клятв на Руси X в. и в Исландии X–XIII вв. Она засвидетельствована для Руси в русско-византийских договорах X в., для Исландии – в многочисленных сообщениях родовых саг, но прежде всего в трех сходных «нормативных» текстах «клятв о мире», сохранившихся в исландском своде законов «Серый гусь» (*Grágás*) и двух родовых сагах. Анализ обоих комплексов показывает, что принесение клятвы при заключении договоров с греками, вероятно под влиянием византийской стороны, было строго разграничено для христиан и язычников: первые клялись по христианскому ритуалу в церкви на «честном кресте», вторые – «по своему закону» под открытым небом на золотых «кольцах клятвы» и оружии. Однако приводимые в договоре фрагменты клятвы, касающиеся санкций за ее нарушение, обнаруживают определенное смешение христианских и языческих представлений. После официального принятия христианства на Руси языческий ритуал вместе с сопровождающим его текстом выходит из употребления, и уже в середине XI в. засвидетельствован ритуал крестоцелования. Языческая традиция, таким образом, элиминируется и заменяется христианской. В Исландии вплоть до начала XIV в. сохраняется практика принесения глубоко архаичной, восходящей ко времени до переселения норвежцев на остров, «клятвы о мире», приносимой, как правило, при заключении соглашения о прекращении распри. Состоящая в основном из аллитерирующих парных формул, клятва описывала языческий мир с капищами и жертвоприношениями богам. Однако в этот текст были инкорпорированы апелляции к Иисусу Христу и Богу как гарантам соблюдения мира и «мстителям» за его нарушение, а также упоминания некоторых христианских реалий. Важнейшим нововведением стало использование Библии в ритуале принесения клятвы, упоминаемое в *Grágás*, но не в сагах. Симбиоз языческих и христианских представлений в тексте «клятвы о мире» был одним из проявлений стратегии относительной терпимости исландской церкви в отношении язычества.

Ключевые слова: клятвы, язычество, христианство, русско-византийские договоры X в., *Grágás*, исландские родовые саги

В переходную эпоху от язычества к христианству влияние новой веры проявлялось крайне неравномерно в разных сферах жизни общества, а формирующаяся церковная организация следовала на первых порах разным стратегиям при взаимодействии с язычеством – при общем отрицательном отношении к нему. Ярким частным тому примером может служить практика принесения клятв на Руси X в. и в Исландии X–XIII вв.

Принесение клятв как в скандинавском, так и в древнерусском и в любом другом средневековом обществе было неотъемлемой процедурой в огромном количестве разнообразных ситуаций. В Скандинавии, как следует из королевских и родовых саг, вновь избранный конунг должен был приносить клятву (*eiðr*) соблюдать законы области на областных тингах, клятвами сопровождалось заключение различного рода соглашений, присяга широко применялась в судопроизводстве (например, *dular-eiðr* – клятва при отказе от иска, *jafnaðar-eiðr* – клятвы, подтверждающие согласие с решением суда, клятвы соприсяжников и др.), подтверждала акты дарения, передачи собственности и др. (Гуревич 1970. С. 95–116; Laing 2014).

В древнерусских источниках сообщений о принесении клятв («роты») в эпоху, непосредственно следующую за принятием христианства, крайне мало. Рота в определенных правовых ситуациях упоминается в Русской правде краткой редакции. В немногочисленных летописных сообщениях речь, как правило, идет не о самой клятве, а об обряде, подтверждавшем данную клятву, – крестоцеловании, которое было распространено в Византии и Западной Европе (Стефанович 2004. С. 93–94 и примеч. 21) и Руси – с определенными оговорками – поддерживалось духовенством (Там же. С. 95). Впервые об обряде крестоцелования говорится в ПВЛ под 6567 (1059) г., когда, выпустив Судислава Владимировича из поруба, Ярославичи «заводивыше [его] кресту», после чего Судислав принял постриг (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 71). Под 6575 (1067) г. упоминается целование креста Изяславом, Святославом и Всеволодом Ярославичами в подтверждение отсутствия у них намерений захватить полоцкого князя Всеслава Брючиславича (обещание было нарушено, как только поверивший им Всеслав приехал на встречу с братьями: Там же. Стб. 167). В домоногольской Руси этот обряд применялся прежде всего в междукняжеских и международных отношениях, но также в судебном процессе в качестве судебного доказательства, при свидетельских показаниях и др. (Стефанович 2004; Стефанович 2015). При заключении договоров, сопровождавшихся крестоцелованием, составлялись специальные

«крестные грамоты», сообщения о которых относятся к середине – второй половине XII в. Однако тексты таких грамот до XIV в. не дошли до нас, и потому неясно их содержание. Отсутствуют и какие-либо указания на то, сопровождалось ли целование «честного креста» текстом – собственно клятвой, фиксированной или свободной.

Единственный случай, когда процедура принесения клятвы при заключении мира и ее содержание описаны подробно, – это русско-византийские договоры под 907 и 911, 944 и 971 гг. (Стефанович 2006). В договоре 911 г. русская сторона гарантирует соблюдение мира «по закону и по покону языка нашего» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 37), а под 907 г. сообщается, что приведенные на роту, Олег и его мужи, язычники, «по Рускому закону кляшася оружием своим, и Перуном богом своим, и Волосом, скотьемъ богомъ»; представители же византийской стороны «цѣловаше сами крестъ» (Там же. Стб. 32). Христиане-византийцы и русы-язычники приносят клятвы в соответствии со своими культурными традициями, не имеющими точек соприкосновения. При этом византийцы, как они это делали в случаях и с другими контрагентами, принимают языческую клятву и языческий ритуал, поскольку только эти, традиционные для русов-скандинавов формы могли восприниматься ими как однозначно обязывающие к соблюдению мира.

Иное дело в договоре князя Игоря. К этому времени в ближайшем окружении киевского князя – а именно из их числа, вероятно, и происходят те, кто ратифицирует договор, – появляется некоторое количество христиан¹, впрочем, достаточное, чтобы клятвы приносились отдельно крещеной и некрещеной русью. Первые клянутся «церковью святаго Ильѣ въ сборнѣи церкви, и предлежащемъ честнымъ крестомъ», как и византийская сторона, на чьем экземпляре договора «есть крестъ», вторые – «полагають щиты своя и мечѣ своѣ наги, обручѣ своѣ и прочаа оружья, да кленутся...» (Там же. Стб. 52–53), т. е. клянутся по тому же самому обряду, что и Олег. Обряд принесения клятвы христианами, очевидно, определен византийской стороной: он должен проходить в соборной церкви² и завершиться крестоцелованием. Место принесения клятвы «некрещеной русью» в договоре не определено, в рассказе летописца –

¹ Распространенное мнение о том, что к середине X в. христианство получило достаточно широкое распространение в дружине Игоря или вообще в Киеве, основывается на замечании летописца начала XII в., вставленного в его рассказ о принесении Игорем клятвы: «мнози бо бѣша варязи хрестеяни». Летописец сделал этот вывод на основании упоминания в тексте договора клятвы русов-христиан. Поэтому осторожнее говорить лишь о присутствии некоторого (возможно, не очень большого – ср. в тексте договора: «Мы же, елико нась хрестилися есмы, кляхомься...») – ПСРЛ. Т. 1. Стб. 52) количества христиан в окружении князя Игоря.

² «Соборная церковь» отождествлена с церковью св. Ильи «над ручаеми коньць Пасыньчѣ бесѣды и Козарѣ» (Там же. Стб. 54) в рассказе летописца о принесении клятвы Игорем и его мужами. Однако в самом тексте договора, как кажется, могли иметься в виду две разные церкви: русы

это «холмъ, где стояше Перунъ» (вполне возможно, что летописец счел это место наиболее подходящим для такого знакового события и потому назвал его). Казалось бы, и состав клянувшихся, и способ принесения клятвы, и место проведения ритуала однозначно противопоставляют христианский и языческий обряды, образуя пропасть между христианами и язычниками. Так, вероятно, и виделось с византийской стороны. Однако это противопоставление не было абсолютным.

В обстоятельном исследовании П.С. Стефановича клятв в русско-византийских договорах 911, 944 и 971 гг. было подробно показано взаимопроникновение христианских и языческих представлений. «Смешение языческих понятий с христианскими» проявляется... в том, что христианские и языческие элементы могут использоваться, «соответственно, в клятвах язычников и христиан. С одной стороны, из утверждений, что некрещенные русские, нарушившие союз с греками, “не имеют помощи” как “от бога”, так и от Перуна (сначала), а затем, что кто бы ни был от Руси, “ли крещен или некрещен”, ему не будет “помощи от бога”, следует, что в отношении язычников вполне признавалось действие христианского Бога. С другой стороны, из заключительных формулировок договора можно понять, что заклятия гибели от собственного оружия и рабства распространяются и на русских-христиан. Одна и та же формула “в весь век в будущий”... используется как в заклятти для тех, кто “крещенье (священие) прияли суть”, так и в заклятти для язычников... Если следовать А.А. Шахматову, который аутентичным признавал второй вид формулы – “в сии век и в будущий”³, – то надо также отметить, что эта стандартная формула церковно-богослужебной литературы⁴, оказывается, может применяться для характеристики языческого заклятия. Это еще раз говорит о взаимодействии и взаимопроникновении языческих и христианских воззрений и обрядов при принесении Русью клятвы в 944 г. Наконец, укажем и на “смешение” терминологии: лексемой “клятва” и производными от нее обозначаются присяги как язычников, так и христиан...» (Стефанович 2006. С. 390).

Надо дополнительно отметить, что в договоры включены не полные

клянутся «церквью святого Ильѣ в сборнѣи церкви». Место нахождения Ильинской церкви, в Киеве или Константинополе дебатруется (Малингуди 1990. С. 90).

³ Шахматов А.А. Повесть временных лет 2003. С. 631, 637. Не знаем, какими соображениями руководствовался А.А. Шахматов, предпочитая именно такой вариант формулы, но этот выбор нам также кажется более верным хотя бы потому, что в том же договоре 944 г. находим похожее выражение, переданное одинаково всеми летописями: «любовь» Руси и Византии «да не разрушится, дондеже с(о)лнце съяеть и весь миръ стоить в нынешния вѣки и в будущая» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 53). Если в одном случае формула охватывает всю вечность – как эту, так и загробную жизнь, – логично ожидать такой же подход и в других случаях.

⁴ См. подбор примеров употребления этой формулы – причем часто как раз в выражениях проклятия (анафемы) – в словаре: Словарь древнерусского языка 1989. С. 292–293.

тексты клятв, а лишь их фрагменты, посвященные санкциям за нарушение «написанного на харатье», – вероятно, именно санкциям византийские власти придавали особенно важное значение как гарантиям соблюдения мира. В договоре 944 г. санкции оговариваются дважды: в преамбуле и в заключительной части, и их формулировка различна. В преамбуле, где декларируется «любовь» между русью и Византией, язычники и христиане разведены («елико ихъ крещенье прияли суть... и елико ихъ есть не крещено»), а предусмотренные для них санкции оговорены отдельно: для язычников – это отсутствие помощи от бога и от Перуна, нарушители будут «посечены мечи своими», «будуть рабы въ весь вѣкъ в будущи», для христиан – месть от бога вседержителя и «осушение на погибель въ весь/сии вѣкъ в будущи» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 47–48). Кары для тех и других за нарушение «любви» по своему содержанию аналогичны (кроме позорной смерти от своего оружия – для язычников): это лишение божественного покровительства и десоциализация при жизни и после смерти (отторжение от мира праведных христиан для вторых и превращение в рабов – «не-членов» сообщества первых). Но и при разграничении христиан и язычников элементы взаимопроникновения представлений тех и других сохраняются. Христиан ждет не наказание, а «месть» от Бога – концепт, чуждый христианству, но распространенный в эпоху начальной христианизации в Скандинавии (Мельникова 2013. С. 383)⁵. Язычники будут лишены помощи «бога» и Перуна (то же в заключительной части договора); под «богом» здесь обычно понимается христианский Бог (см.: Стефанович 2006. С. 390), хотя не исключено, что имелся в виду языческий бог, имя которого переводчик договора не смог идентифицировать (ср. пару языческих богов Перун и Велес в договорах под 907 и 971 г.). В заключительной части договора 944 г. санкции распространяются одновременно как на христиан, так и на язычников («ли князь ли инь кто, ли крещень или некрещень», «Аще ли кто от князь или от людеи русских, ли хрестеянь, или не хрестеянь») и суммируются с явным доминированием языческих формул: «да не имуть помощи от бога, и да будуть рабъ въ весь вѣкъ в будущи, и да заколень будеть своимъ оружьемъ», «будеть достоинъ своимъ оружькмъ умрети, и да будеть клять от бога и от Перуна»⁶ (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 53).

Таким образом, клятвы христиан и язычников в договоре 944 г. разведены в пространстве и во времени и сопровождаются различными обрядами: крестоцелованием (при этом неясно, произносился ли при этом какой-либо текст), вероятно, предложенным византийской стороной, и

⁵ Ср.: в рунической надписи XI в. с о. Готланд заказчики памятника призывают Бога «отомстить» за смерть своего сына (Мельникова 2001. С. 297–299).

⁶ В этом случае вероятнее, что имелся в виду христианский Бог.

провозглашением текста клятвы над оружием. Формулировки же санкций за нарушение договора обнаруживают совмещение языческих и христианских представлений.

Иная стратегия вырисовывается в древнеисландском материале.

Для Исландии особенно большое общественное значение имело принесение клятв при завершении тяжб, прежде всего связанных с кровопролитием и кровной мстью (Miller 1990), а также военными действиями: соглашение о примирении временном (*gríð*) или окончательном (*trygð*)⁷ рассматривалось как основной инструмент восстановления мира, и клятвы (*gríðmál*, *trygðeiðr*), произнесенные публично, не только гарантировали завершение тяжбы, но и влияли на социальный статус, права и обязанности ее участников (Jón Viðar Sigurðsson et al. 2008. P. 51).

Тексты клятв, судя по неоднократно упоминаемым в сагах случаям, были фиксированными, и отступление от «правильного» текста было равносильно отмене действия, которое она должна была подтвердить, или проигрышу тяжбы. О тяжбах исландцев более или менее подробно рассказывается в большом количестве родовых саг, и нередко автор саги отмечает, что ее участники проявляют озабоченность, правильно ли были произнесены слова клятвы или иной процедуры. Так, в «Саге о Глуме-Убийце» ее герой, обвиненный в убийстве Торвальда Крючка, произносит на альтинге текст вызова свидетелей в необычной форме, чтобы не обвинить самого себя в совершенном им убийстве: он «формульно» называет свидетелей убийства, но не договаривает, кто является убийцей, что является обязательным элементом текста⁸:

Затем Глум сказал слово в слово: “Я называю Асгрима свидетелем, и Гицура вторым свидетелем того, что я приношу клятву в капище на кольце перед асами, что я был там и бодрствовал там и окровавил там острие и лезвие [меча]⁹, когда Торвальд Крючок получил смертельный удар. Пусть теперь рассматривают [мою] клятву знающие люди, которые стояли рядом”.

(Þá kvað Glúmr svá at orði: “At ek nefni Ásgrím í vætti, annan Gissur í þat vætti at ek vinn hofseið at baugi ok segi ek þat Æsi at ek vark at þar ok vák at þar ok rauðk at þar odd ok egg er Þorvaldr krókr fékk bana. Líti nú á eið þeir er spekimenn eru ok við eru staddir”).

Удивление собравшихся не помешало признать клятву Глума действи-

⁷ См. о термине: Laing 2014. P. 58–59.

⁸ Содержание формулы вызова свидетелей оговорено в своде исландских законов *Grágás* («Серый гусь»), в разделе *Þingskapa þátr* (Grágás 1974. Kap. 30. Bls. 54).

⁹ Ср. в «Древнейших законах вестётов» (начало XIII в.): я обвиняю тебя «в том, что ты (обвиняемый. – *E. M.*) ранил его (или: нанес ему удар) острием и лезвием, и ты его настоящий убийца...» («...at þu bart . a . han od ok æg . ok þu ær sændær bani hans» (Äldre Västgötalagen 1827. § 1.1. S. 10–11).

тельной. Однако позднее один из участников засомневался в правильности клятвы Глума: «Хорошо ли Глум сказал клятву?» («Vann Glúmur vel eiðinn?») и добавил, что, по его мнению, такого позора, как «клятва» Глума, никогда не смыть («mun sjá sneypa jafnan uppi síðan»: *Víga-Glúms Saga* 1940. Кар. 25). Требование к точности текста клятвы вынуждало мало сведущих в законах людей прибегать к помощи посредников или «суфлеров»: так, в одном из судебных процессов на альтинге в Исландии «обе стороны поклялись соблюдать мир, и Ньяль подсказывал им [слова клятвы]» (en hvárir veittu öðrum tryggðir ok gríð ok mælti Njáll fyrir. – *Brennu-Njáls saga* 1954. Кар. 70; *Saga о Ньяле* 1956. С. 560).

Ошибка в произнесении клятвы при заключении соглашения между враждующими сторонами была чревата возобновлением вооруженных столкновений, что неоднократно использовалось, судя по рассказам саг, участниками распри, которые не желали мира, но под давлением обстоятельств вынуждены были принять его на тинге (Miller 1984). Поэтому в сагах отмечается строго регламентированный характер не только процедуры, но и самого текста клятвы, который обозначался специальным термином – *eiðstafr*. Более того, засвидетельствован в нескольких источниках и сам текст такой «клятвы мира» (*trygðamál*). Наиболее ранняя его фиксация – в своде исландских законов «Серый гусь» (Grágás), составленном, согласно Ари Торгильссону Мудрому, в 920-е гг. на основе норвежских «Законов Гулатинга» и впервые записанном Хавлиди Массоном по решению альтинга в 1117 г. (*Íslendingabók* 1968. Кар. 10). Две его древнейшие и почти одновременные рукописи¹⁰ (*Konungsbók* – GKS 1157 fol, вероятно, ок. 1260 г., и *Staðarhólsbók* AM 334 fol, вероятно, ок. 1280 г.) существенно расходятся по содержанию, иногда дополняя, иногда противореча друг другу (Fix 1993. P. 234–235; Vuock 2001). Раздел «Перечень колец», т. е. вергельдов (*Baugatal*) присутствует только в *Konungsbók*. В нем приведены клятвы (досл. «речи») о перемирии (*Griðamál*. Кар. 114: Grágás 1974. Bls. 204–205) и о «вечном» мире (*Trygðamál*. Кар. 115: Grágás 1974. Bls. 204–207). *Trygðamál* «Серого гуся» чрезвычайно близок тексту клятвы в «Саге о битве на Пустоши», написанной, возможно, ок. 1200 г. (Finlay 2004) и сходен с более кратким текстом клятвы в «Саге о Греттире», предположительное время составления которой 1310–1320 гг. (Cook 1993. P. 241–243).

Главное различие между ними – обстоятельства, при которых произносится клятва и, соответственно, текст ее преамбулы. В «Перечне колец» представлен «нормативный» казус примирения после распри двух исландцев, обозначенных буквами N. N. и N. N., которые должны про-

¹⁰ Всего известно ок. 130 рукописей и фрагментов рукописей *Grágás*, древнейшие из фрагментов датируются концом XII в.

изнести следующий ниже текст, дабы их примирение было законным и окончательным (Grágás 1974. Кар. 115. Bls. 205–207. Перевод см.: Гуревич 1970. С. 113–114). В «Саге о битве на Пустоши» герои саги, завершая очередную кровопролитную распрю, должны произнести «клятву мира» (*gríðamál*), однако одна из сторон, наиболее заинтересованная в достижении согласия, стремится уточнить формулировку клятвы и обращается к Торгислу, который прославился знанием ритуалов: «ни один человек не говорит удачнее тебя клятвы о мире и не завершает тяжбы», и Торгисл произносит клятву (Heiðarvíga saga 1938. Кар. 33; Сага о Битве на Пустоши 2000. С. 101–102). В «Саге о Греттире» – это клятвенное обещание (*gríð* «перемирие») Греттиру, скрывающемуся под именем Гест (*Gestr* «Гость»), обеспечить ему безопасность («мир») на тинге и на все время, пока он не возвратится домой (Grettis saga Ásmundarsonar 1937. Кар. 72. Bls. 232–233; Сага о Греттире 1976. С. 117–118). Клятва начинается с определения цели ее произнесения и именованя сторон, ее приносящих. Этот раздел полностью обусловлен обстоятельствами, при которых приносится клятва, и потому в «Саге о Греттире» существенно отличен от двух других текстов, которые имеют небольшие различия. Основная же часть клятвы содержит санкции против ее нарушителя, и именно их перечисление почти полностью совпадает во всех трех случаях.

Приведу полный текст «клятвы о мире» по «Саге о битве на Пустоши» со значимыми дополнениями и вариантами по *Grágás* в круглых скобках (подвергшийся изменению текст саги выделен курсивом) и полный текст по «Саге о Греттире».

«Сага о битве на пустоши»:

«Вот начало нашей клятвы (gríðamál), и оно в том, что все равны перед Богом (фраза отсутствует в Grágás). Мы (в Grágás здесь и дальше – «вы оба») должны быть также равны и друг перед другом и доверять другому за брагой и за брашном, на тинге и на торге, в кирке Божьей и в конунговых палатах, и везде, где встречаются люди, мы должны вести себя так, как если между нами никогда не было распри. Мы будем делить клинок и кровавое мясо и все, что у нас будет, как сродники, а не как супостаты.

А если распря случится между нами, то пусть звенят деньги, а не летят дроты, а если кто из нас нарушит слово сговора и *подыметя на порукой укрытого* (т. е. совершит убийство, несмотря на принесенную клятву. – Е. М.), то влачить ему дней остаток, как волку повсюду, где люди вдаль волков отгоняют, рабы Христа в церковь ходят, язычники капище освящают, огонь вверх подымается, земля травой покрывается, сын зовет мать (и мать кормит младенца, дети человеческие зажигают огонь), ладья скользит по волнам, блестят щиты, свет солнца растапливает снег, финн

бежит на лыжах, сосна ввысь тянется, сокол парит весенним днем, пусть ветер дует ему под оба крыла, небо вращается, мир заселяется, ветер веет, вода из озер вытекает в море, а селяне рожь сеют. Нет ему места в церквях и среди христиан, в доме Бога, и в доме бонда, и нет у него иного приюта, кроме ада¹¹. *Да поручится каждый из нас перед другом* (Теперь возьмитесь за Книгу (Библию. – Е. М.), положите на Книгу деньги, которыми Н. Н. платит возмещение) за себя и своих потомков, рожденных и нерожденных, славных и бесславных¹², именитых или безвестных¹³, *и да встретит он веру и верность навеки, верность во всем и перед всеми, и пусть ее не убудет, пока живы люди и твари земные* (Н. Н. пусть примет присягу, а Н. Н. пусть дает вечную клятву, которая будет прочной, пока земля стоит и люди живут). Теперь *мы* (Н. Н. и Н. Н.) равны и сговорены, и встретимся ли на суше, или на стрежне, на струге или на снегу, в соленых волнах или в седле, у переправы или у пробоины в борте, на гребной скамье или на палубе, мы поможем друг другу в нужде, как сын отцу, или как отец сыну, во всем. Протянем же в знак дружбы друг другу руку, и останемся друг другу верны по воле Христа и по желанию всех, внимающих сейчас слову сговора. Тому милость Бога, кто будет верен, и гнев Бога тому, кто порвет с нашим правым делом, и милость тому, кто верен. Закончено наше слово, и да будем равны перед Богом (Теперь сложите вместе свои руки, Н. Н. и Н. Н.: соблюдайте клятвы по воле Христовой и всех людей, которые ныне слушают эту примирительную клятву, но гнев его над тем, кто нарушает верную клятву!)»¹⁴.

(Þat er upphaf gríðamála vorra at guð sé við oss alla sáttur. Vér skulum ok vera menn sáttir vor í millum ok samværir at öldri ok at áti, á þingi ok á þjóðstefnu, at kirkna sókn ok í konungs húsi ok hvervetna þar er manna fundir verða. Þá skulum vér svá sáttir sem aldrei hafi fjandskapur vor í millum verit. Vér skulum deila kníf ok kjötstykki ok alla hluti vor í milli sem frændur en eigi fjándur. Ef sakar gerast héðan af á milli vor, þær skal fé bæta en eigi flein tjóða. En sá vor er gengur á gervar sættir eða vegur á veittar tryggðir þá skal hann svá víða vargrækur ok rekinn sem menn víðast varga reka, kristnir menn kirkjur sækja, heiðnir menn hof blóta, eldar upp brenna, jörð grær, mögur móður kallar (oc moþir mög föðir), skip skríður, skildir blika, sólskin snæ lægir, Finnur skríður, fura vex, valur flýgur vorlangan dag standi honum beinn byr undir báða vængi, himinn hverfur, heimur er byggður, vindur vex, veitir vatn

¹¹ А.В. Циммерлинг употребил здесь слово Нифльхейм, но в оригинале в обоих случаях использовано слово *helvíti*, хотя и производное от др.-исл. *Hel* «царство мертвых», но означающее христианское понятие «ад», «преисподняя», т.е. в данном случае имеет место отсылка к христианскому, а не языческому мировидению.

¹² В переводе А.Я. Гуревича «зачатых и незачатых».

¹³ В переводе А.Я. Гуревича «поучивших имя и не получивших».

¹⁴ А.В. Циммерлинг пытался сохранить главную особенность языка клятвы – аллитерацию парных словосочетаний.

til sjóvar ok karlar korni sá. Hann skal firrast kirkjur ok kristna menn, guðs hús ok guma, heim hvern nema helvíti. (Nu haldit þit bápir abóc einni enda ligr nu fe aboc er N. N. bötir). Tekur hver vor tryggðir við annan fyrir sik ok sinn erfingja, alinn ok óborinn, getinn ok ógetinn, nefndan ok ónefndan, en hver veitir í mót tryggðir ok ævintryggðir, mætar tryggðir ok megintryggðir þær er æ skulu haldast meðan moldir ok menn lifa. (N. N. tegr tryðir en N. N. ævintrygðir þar æ scolo halldaz meðan molid er oc menn lifa). Nú erum vér (þeir N. N. oc N. N.) sáttir ok sammála hvar sem vér finnumst á landi eða á legi, skipi eða á skíði, í hafi eða á hestbaki, árar at miðla ok ausskotu, þóftu ok þilju, ef þarfar gerast, jafnsáttur hver við annan sem sonur við föður eða faðir við son í samförum öllum. Höfum nú lófatak at tryggðamálum ok höldum vel tryggðir at vilja Krists ok at vitni allra manna þeirra er nú heyrðu tryggðamál. Hafi sá guðs hylli er heldur tryggðir en sá gremi guðs er rýfur réttar tryggðir en hylli sá er heldur. Höfum heilir sæst en guð sé við alla sáttur. (Nu legia þeir hendr sinar saman. N. N. oc N. N. halldit væl trygðir at vilia cristz oc allra manna þeirra er nu heyrðu trygða mal. Hafe sa hylle guðs er helldr trygðir. En sa reiðe er ryfr rettar trygðir.) (Heiðarvíga saga 1938. Kap. 33; перевод А.В. Циммерлингa: Сага о Битве на Пустоши 2000. С. 101–102; Grágás 1974. Kap. 115. Bls. 205–207. Cp. перевод: Гуревич 1970. С. 113–114).

«Сага о Греттире»:

«Он сказал клятву о мире со знанием дела, и вот начало этой клятвы: “Провозглашаю мир между всеми людьми, а перво-наперво между сидящим здесь мужем по имени Гест и всеми годи и добрыми бондами, всеми, кто может держать оружие, и всеми-всеми окрестными жителями здесь, на Цаплином Тинге, кто б они ни были откуда бы ни пришли, – всеми, кто назван и кто не назван. Обещаем мир, полный и нерушимый, чужанину, который назвался Гестом, для игрищ, веселий и ратоборства, покуда он здесь или путь держит к дому, посуху иль по морю, землей иль водою. Да будет мир ему везде и всюду, пока он, целый и невредимый, домой не вернется под защитой обета. Провозглашаю мир от нашего имени и от имени родичей, сотоварищей и сотрапезников, жен и мужей, рабынь и рабов, взрослых и отроков.

Если же кто этот мир нарушит и обет преступит, да будет он отвержен и изгнан Богом и всем честным народом, и не найти ему места ни в царстве небесном среди праведников, ни среди людей, и будет он отринут повсюду, где преступников гонят, крещеный люд молится в церкви, языческий люд почитает капища, горит огонь, родит земля, младенец мать кличет и мать сына нянчит, огни разводят, плывут корабли, блестят щиты и светит солнце, снег лежит, финн бежит на лыжах, растет сосна, сокол летает день-деньской и крылья ему вешний ветер держит, небо круглится, селятся люди, ветер гонит все воды к морю, и люди хлеб сеют. Пусть он бежит христиан и язычников, церквей и капищ, дола и дома, всякого

крова, кроме адского. Будем в этом единодушны, друг с другом в добром согласье, где б нам ни встретиться – на горе иль у моря, на ладе иль на лыжах, на земле иль во льдах, пешим иль конным, с другом ли встретимся на дороге иль с родичем в ровном поле. Будем во всем друг с другом согласны, как сын с отцом иль отец с сыном.

Соединим же теперь руки и не нарушим мира и слова, данного здесь по обету этому перед Богом, перед добрыми людьми и перед всеми, кто слова мои слышит и здесь присутствует»».

“(Hér set ek grið,” segir hann, “allra manna á millum, einkanliga þessum sama Gesti til nefndum, er hér sitr, ok at undir skilðum öllum goðorðsmonnum ok gildum boendum, ok allrar alþýðu vígra manna ok vápnfærra, ok allir aðrir heraðsmenn í Hegranessþingi... Set ek þessi grið fyrir oss ok vára frændr, vini ok venzlamenn, svá konur sem karla, þýjar ok þræla, sveina ok sjálfráða men. Sé sá griðníðingr, er griðin rýfr eða tryggðum spillir, rækr ok frá guði ok góðum monnum, ór himinríki ok frá ollum helgum mannum, ok hvergi hæfr manna í milli ok svá frá ollum út flæmðr sem víðast varga reka eða kristnir men kirkjur soekja, heiðnir men hof blóta, eldr brennr, jorð groer, mælt barn móður kallar ok móðir mog foedir, alder elda kynda, skip skriðr, skildir blíka, sól skínn, snæ leggr, Finn skríðr, fura vex, valr flýgr várlangan dag, ok standi honum beinn byrr undir báða vængi, himinn hverfr, heimr er byggðr, ok vindr veitir votn til sjávar, karlar korni sá; hann skal firrask kirkjur ok kristna men, heiðna holda, hús o hella, heim hvern, nema helvíti. Nú skulum vér vera sáttir ok sammála hver við annan í huga góðum hvort sem vér finnumst á fjalli eða fjöru, skipi eða skíði, jörðu eða jökli, í hafi eða á hests baki, svá sem vin sinn í vatni finni eða bróður sinn á braut finni, jafnsáttir hver við annan sem sonur við föður eða faðir við son í samförum öllum. Nú leggjum vér hendur saman ok allir vér ok höldum vel griðin ok öll orð tölut í tryggðum þessum at vitni guðs ok góðra manna ok allra þeirra er orð mín heyra eða nokkurir eru nær staddir.) (Grettis saga Ásmundarsonar 1937. Kap. 72. Bls. 232–233; перевод О.А. Смирницкой: Сага о Греттире 1976. С. 117–118).

В целом, клятва представляет собой поэтический текст¹⁵, состоящий в основном из аллитерирующих парных словосочетаний (Мельникова 2020). Различаясь в описании ситуации, при которой произносится клятва, перечень санкций против нарушителя клятвы практически идентичен, набор формул составляет описание мира, в котором существует исландский социум (Стеблин-Каменский 1967. С. 64), и охватывает все мыслимые случаи возможного нарушения мира (Сага о битве на Пустоши 2000. С. 330).

¹⁵ Именно как поэтический текст, с разбиением на строки, клятва представлена О.А. Смирницкой в переводе «Саги о Греттире».

Почти дословное дублирование раздела санкций в *Grágás* и двух родовых сагах говорит о реальности существования нормативного текста «примирительной клятвы» в Исландии в XII–XIV вв. Однако как форма текста (парные аллитерирующие формулы), так и упоминания в нем некоторых чисто языческих традиций указывают на то, что сложилась она в языческую эпоху, до принятия христианства (Гуревич 1970. С. 114–115). В описываемом в клятве мире «язычники приносят жертвы в капищах» (*Grágás*, в переводе А.В. Циммерлинга: «язычники капища освящают»), хотя к концу XII в. действующих капищ в Исландии уже не осталось; примирение осуществляется «за едой и питьем» («за брагой и за брашном» в переводе А.В. Циммерлинга), т. е. во время пира (во время пира появляется и Гест-Греттир и здесь же произносится клятва); в ходе примирения совершаются ритуальные действия – обмен ножами и мясом, рукопожатие; нарушивший клятву карается изгойством, а изгой, поставленный вне закона, сравнивается с волком¹⁶. Эти свидетельства архаичности нормативной клятвы сочетаются с некоторыми формулами, которые могли возникнуть только в Норвегии, еще до переселения норвежцев в Исландию. Так, с финнами (*finnr*, в переводе А.Я. Гуревича – «лапп»), поскольку этот этноним использовался для обозначения и собственно финнов, и лаппов-саамов) были хорошо знакомы норвежцы, поселения которых на севере граничили с саамами, но никак не исландцы; в Исландии сосны не росли даже в эпоху заселения острова, а к XII в. лесов там вообще не осталось; земледелие было развито в Исландии крайне слабо, основным занятием было скотоводство, которое в клятве вообще не упомянуто. Таким образом, текст клятвы, очевидно, сложился и приобрел устойчивую форму в языческое время в Норвегии до заселения Исландии и был привезен на остров вместе со многими другими явлениями норвежской культуры.

Однако в дошедших до нас памятниках, записанных через два или более столетия после принятия христианства в 1000 г., вполне отчетливо проявляется и влияние новой религии. Прежде всего, это сказывается в упоминании христиан и в апелляциях к Христу и Богу. В новом, христианском мире «христиане ходят в церкви» (в *Grágás* и в «Саге о битве на Пустоши»), нарушивший клятву должен «сторониться церковей и христиан» (*Grágás*; «нет ему места в церквях и среди христиан» – в переводе А.В. Циммерлинга) и его единственным приютом будет ад (*helvíti* во всех трех текстах).

Христианские реалии «встраиваются» в традиционный аллитерированный текст разными путями. Во-первых, они образуют самостоятель-

¹⁶ В Исландии вплоть до XIV в. изгнание по решению альтинга было единственной формой наказания, кроме штрафов (Faulkes 2004. P. XX).

ные формулы, как например, *kristnir menn kirkjur sækja* – досл. «крещеные люди посещают церковь» с аллитерацией *kristnir – kirkjur*, та же аллитерация присутствует во фразе *Hann skal firrast kirkjur ok kristna menn* – «Он должен сторониться церковей и христиан» (обе формулы приведены во всех трех текстах). Во-вторых, они могут включаться в, вероятно, уже существовавшую формулу, вытесняя один из ее элементов: *at kirkna sókn ok í konungs húsi* «в церкви и в доме конунга» (аллитерация на *k-*), *guðs hús ok guma* «дома Бога и человека» (аллитерация на *g-*) (в *Grágás* и в «Саге о битве на Пустоши»). В-третьих, это более или менее пространные интерполяции в текст клятвы. И именно здесь наблюдается существенное отличие нормативного текста в судебнике и в сагах. В *Grágás* и в сагах добавляется санкционирование примирения Христом и Богом: «Н. Н. и Н. Н. соблюдайте клятвы по воле Христовой и всех людей, которые ныне слушают эту примирительную клятву! Да будет милость Божия тому, кто соблюдает клятву, но гнев его над тем, кто нарушает верную клятву!» (*Grágás*, перевод А.Я. Гуревича, почти то же в «Саге о битве на Пустоши»). В «Саге о Греттире» соответствующее место значительно короче: «...не нарушим мира и слова, данного здесь по обету (*trygðum* «по примирительной клятве») этому перед Богом, перед добрыми людьми и перед всеми, кто слова мои слышит и здесь присутствует». Если в первом случае это развернутая апелляция к санкции Бога и свидетелям клятвы – «добрым людям», то во втором – Бог упоминается мимоходом, а основное внимание уделено присутствующим «добрым людям». Апелляция к Богу здесь производит впечатление вставки.

Вторая интерполяция присутствует только в *Grágás* и знаменует влияние христианства не только на текст клятвы, но и на сам ритуал ее принесения. Клятву скрепляет не только «соединение рук», которое отмечается во всех трех текстах, но и использование в процедуре Библии: «Теперь возьмитесь за Книгу (Библию. – *E. M.*), положите на Книгу деньги, которыми Н. Н. платит возмещение за себя и за своих наследников, рожденных и нерожденных...» – в отличие от текста «Саги о битве на пустоши»: «До поручится каждый из нас перед другом за себя и своих потомков, рожденных и нерожденных...». Клятва еще не произносится «на Библии» (положа на нее руку или другим образом), как в последующее время, на «Книгу» лишь кладутся деньги, которые должны быть выплачены пострадавшему. Но уже само включение Библии в ритуальную процедуру знаменует новый и важный этап во внедрении христианских представлений в исландское общество – ранее сакральным предметом, на котором надлежало произносить клятву, было золотое кольцо (браслет) – *eiðbaugr* (см. подробно: Мельникова 2014).

Подводя итоги, надо прежде всего отметить значительно большую репрезентативность древнеисландского материала, где сохранился норма-

тивный текст клятвы о мире в нескольких, вероятно, независимых друг от друга памятниках, записанных с конца XII по начало XIV в. – столетиями позже принятия христианства в Исландии. Древнерусский материал ограничен фрагментами клятв, посвященными санкциям за нарушение принятых обязательств в русско-византийских договорах X в. в эпоху проникновения христианства на Русь. Но даже и эти фрагментарные материалы, как кажется, позволяют увидеть принципиально различные стратегии церкви в отношении языческих правовых практик.

Прежде всего, это касается самой процедуры принесения клятвы. Поскольку первые договоры русов (скандинавов) заключались с Византией, главным центром христианского мира того времени, то для византийских властей было естественным противопоставление русов-христиан, большинство из которых получили крещение в самой Империи, и русов-язычников. В первую очередь это противопоставление сказалось на процедуре принесения клятв, скрепляющих договор: месте и форме проведения ритуала. По византийской традиции, он проводится для русов-христиан в церкви, тогда как «некрещеная русь» приносит клятву на открытом воздухе¹⁷, возможно, в каком-то сакральном месте (капище?), что дало летописцу основание утверждать, что Игорь и его окружение поднялись на холм, где стоял Перун. Проведение ритуала предполагало наличие сакральных предметов, вид которых определялся принадлежностью к той или иной религии: для христиан это был «честной крест», для язычников – золотые «обручья» («кольца клятвы») и оружие.

Санкции за нарушение условий договора (собственно фрагменты текста клятвы) также были принципиально различными, хотя в их содержании просматривается параллелизм: это лишение нарушителя божественной помощи (Бога или языческих богов) и его десоциализация (отторжение от христианского сообщества, превращение в раба), для «некрещеной руси» предусматривалось также чисто языческое наказание – смерть от собственного оружия.

Вместе с тем, в неоднократно повторенных формулировках санкций в договоре 944 г. обнаруживается некоторое совмещение христианских и языческих представлений и их обобщение, что говорит о еще неполной их разведенности. Изначально заложенное противопоставление первых и вторых проявилось после принятия христианства в исчезновении как языческой процедуры принесения клятвы, так и самого текста клятвы с упоминанием языческих ритуалов и богов. Принесение клятвы уже не позднее второй половины XI в. совершается в полном соответствии с христианской традицией и принимает форму целования креста.

¹⁷ Убедительных доказательств существования языческих храмов или каких-то специальных построек в Скандинавии до сих пор не найдено.

В Исландии, напротив, на протяжении нескольких столетий после принятия христианства сохраняется практика принесения языческой по происхождению клятвы, фиксированный текст которой включается в судебник. Этот текст инкорпорирует некоторые христианские реалии, вводит упоминание Бога как гаранта выполнения клятвы. Важным нововведением, не изменившим, однако, языческий характер клятвы, было отражение в тексте нового элемента ритуала – использование Библии как сакрального предмета. Судьба языческой по происхождению «клятвы о мире» после принятия христианства в полной мере отразила терпимость исландской церкви на протяжении длительного времени к наследию прошлого, в том числе языческим практикам.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Гуревич А.Я.* Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М.: Наука, 1970. [*Gurevich A. Ya. Problemy genezisa feodalizma v Zapadnoj Evrope (Problems of the Genesis of Feudalism in Western Europe)*. Moscow: Nauka, 1970.]
- Малингуди Я.* Терминологическая лексика русско-византийских договоров // Славяне и их соседи. М., 1996. Вып. 6. С. 61–67. [*Malingudi Ya. Terminologicheskaya leksika russko-vizantijskih dogovorov (Terminology of the Rus and Byzantium Treaties)* // *Slavyane i ih sosedi*. Moscow, 1996. Вып. 6. С. 61–67.]
- Мельникова Е.А.* Скандинавские рунические надписи. Новые находки и интерпретации. (Древнейшие источники по истории Восточной Европы). М.: Восточная литература, 2001. [*Melnikova E.A. Skandinavskie runicheskie nadpisi. Novye nahodki i interpretacii. (Drevnejshie istochniki po istorii Vostochnoj Evropy) (Scandinavian Runic Inscriptions. New Finds and Interpretations (The Oldest Sources on the History of Eastern Europe))*. Moscow: Vostochnaya literatura, 2001.]
- Мельникова Е.А.* Христианство викингов в древнескандинавской устной традиции и свидетельствах современников // ДГ, 2011 г.: Устная традиция в письменном тексте. М., 2013. С. 363–407. [*Melnikova E.A. Hristianstvo vikingov v drevneskandinavskoj ustnoj tradicii i svidetel'stvah sovremennikov (Viking Christianity in Old Norse Oral Tradition and Contemporary Witnesses)* // *Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy, 2011 god: Ustnaya tradiciya v pis'mennom tekste*. Moscow, 2013. С. 363–407.]
- Мельникова Е.А.* «Обручья» некрещеной Руси в русско-византийском договоре 944 г. и «кольца клятвы» древнескандинавской правовой традиции // Средние века. 2014. Вып. 75 (3–4). С. 176–192. [*Melnikova E.A. «Obruch'ya» nekreshchenoj Rusi v russko-vizantijskom dogovore 944 g. i «kol'ca klyatvy»*

drevneskandinavskoj pravovoj tradicii (Bracelets of the Non-Baptized Rus in the Rus and Byzantium Treaty of 944 and the 'Oath-rings' of Old Norse Legal Tradition) // Srednie veka. 2014. Вып. 75 (3–4). S. 176–192.]

Мельникова Е.А. Особенности языка русско-византийского договора 911 г. // ДГ, 2019–2020 гг.: Дипломатические практики античности и средневековья. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2020. С. 84–102. [*Melnikova E.A.* Osobennosti yazyka russko-vizantijskogo dogovora 911 g. (Some Features of the Language of the Rus and Byzantium Treaty of 911) // *Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy, 2019–2020 gody: Diplomatische praktiki antichnosti i srednevekov'ya.* Moscow: Russkij fond sodejstviya obrazovaniyu i nauke, 2020. S. 84–102.]

Сага о битве на пустоши // Исландские саги / Пер. А.В. Циммерлинга. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 44–110. [Saga o bitve na pustoshi (Heiðarvíga saga) // *Islandskie sagi* / Per. A.V. Cimmerlinga. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury, 2000. S. 44–110.]

Сага о Греттире / Пер. О.А. Смирницкой. М.: Наука, 1976. [Saga o Grettire (Grettis saga Ásmundarsonar) / Per. O.A. Smirnickoj. Moscow: Nauka, 1976.]

Сага о Ньяле / Пер. С.Д. Кацнельсона, В.П. Беркова, М.И. Стеблин-Каменского // Исландские саги / Под ред. М.И. Стеблин-Каменского. М.: Художественная литература, 1956. С. 441–758. [Saga o N'yale (Brennu-Njáls saga) / Per. S.D. Kacnelsona, V.P. Berkova, M.I. Steblin-Kamenskogo // *Islandskie sagi* / Pod red. M.I. Steblin-Kamenskogo. Moscow: Hudozhestvennaya literatura, 1956. S. 441–758.]

Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1989. Т. II. [Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.) (Old Russian Dictionary (11th – 14th Century)). Moscow, 1989. Т. II.]

Стеблин-Каменский М.И. Культура Исландии. Л.: Наука, 1967. [*Steblin-Kamenskij M.I.* Kul'tura Islandii (The Culture of Iceland). Leningrad: Nauka, 1967.]

Стефанович П.С. Крестоцелование и отношение к нему церкви в Древней Руси // Средневековая Русь. М., 2004. Вып. 5. С. 86–113. [*Stefanovich P.S.* Krestocelovanie i otnoshenie k nemu cerkvi v Drevnej Rusi (Kissing the Cross and the Attitude of the Church to it in Ancient Rus) // *Srednevekovaya Rus'*. Moscow, 2004. Вып. 5. S. 86–113.]

Стефанович П.С. Клятвы по русско-византийским договорам X в. // ДГ, 2004 г.: Политические институты Древней Руси. М., 2006. С. 383–403. [*Stefanovich P.S.* Klyatvy po russko-vizantijskim dogovoram X v. (Oaths according to the Rus and Byzantium Treaties of the 10th Century) // *Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy, 2004 god: Politicheskie instituty Drevnej Rusi.* Moscow, 2006. S. 383–403.]

- Стефанович П.С.* Крестное целование // Православная энциклопедия. М., 2015. Т. 38. С. 561–564. [*Stefanovich P.S.* Krestnoe celovanie (Cross Kissing) // Pravoslavnaia enciklopediia. Moscow, 2015. T. 38. S. 561–564.]
- Шахматов А.А.* Повесть временных лет // *Шахматов А.А.* История русского летописания. СПб., 2003. Т. I. Кн. 2. [*Shahmatov A.A.* Povest' vremennykh let (The Primary Chronicle) // *Shahmatov A.A.* Istoriya russkogo letopisaniya. St-Petersburg, 2003. T. I. Kn. 2.]
- Brennu-Njáls saga / Einar Ól. Sveinsson gáf út (ÍF; XII). Reykjavík, 1954.
- Byock J.L.* Grágás: The 'Grey Goose' Law in Viking Age Iceland. L.: Penguin, 2001.
- Cook R.* Grágás // MSE. P. 241–243.
- Faulkes A.* Introduction // Three Icelandic Outlaw Sagas: the Saga of Gisli. The Saga of Grettir. The Saga of Hord. Exeter: Short Run Press Limited, 2004 (Repr. 2014).
- Finlay A.* Two Borgfirðinga sögur: the Oldest or the Youngest *Íslendinga sögur* // Sagas and Societies. Tübingen, 2004. URL http://w210.ub.uni-tuebingen.de/dbt/volltexte/2004/1084/pdf/2_AlisonFinlay.pdf (дата обращения 25.12.2021).
- Fix H.* Grágás // MSE. P. 234–235.
- Grágás, Konungsbók. Genoptrykt efter Vilhjálmur Finsens udgave 1852 / Red. A. Nielsen, T. Olsen. Odense: Odense University Press, 1974.
- Grettis saga Ásmundarsonar / Guðni Jónsson gáf út (ÍF; VII). Reykjavík, 1937 (Repr.: Reykjavík, 2001).
- Heiðarvíga saga // Borgfirðinga sögur / Sigurður Nordal; Guðni Jónsson gáfu út (ÍF; III). Reykjavík, 1938.
- Íslendingabók. Landnámabók / Jakob Benediktsson gáf út (ÍF; I). Reykjavík, 1968.
- Jón Viðar Sigurðsson, Pedersen Fr., Berge A.* Making and Using the Law in the North, c. 900–1350 // Making, Using and Resisting the Law in European History / Ed. by G. Lottes, E. Medijainen and Jón Viðar Sigurðsson. Pisa: Pisa University Press, 2008.
- Laing G.L.* Bound by Words: Oath-taking and Oath-breaking in Medieval Iceland and Anglo-Saxon England. Diss. Western Michigan University, 2014.
- Miller I.W.* Bloodtaking and Peacemaking: Feud, Law and Society in Medieval Iceland. Chicago; L.: University of Chicago Press, 1990.
- Miller I.W.* Avoiding Legal Judgment: the Submission of Disputes to Arbitration in Medieval Iceland // The American Journal of Legal History. 1984. <https://www.jstor.org/journal/amerjlegahist> Vol. 28, N 2. Apr. P. 95–134.
- Víga-Glúms Saga / Ed. by G. Turville-Petre. Oxford, 1940 (2nd ed. Oxford, 1960). Цит. по: <https://www.snerpa.is/net/isl/vigaglum.htm> (дата обращения 15.01.2022).
- Äldre Västgötalagen // Samling af Sweriges Gamla Lagar / Utg. af D. Collin, D.C.J. Schlyter (Corpus iuris gotorum antiqui). Stockholm; Lund, 1827. B. I.

AT THE INTERSECTION OF PAGANISM AND CHRISTIANITY:
PEACE-OATHS IN RUS AND ICELAND

In the transitional period from heathenism to Christianity the manifestations of the influence of the new faith were very uneven in different spheres of the social life while the developing church organization followed different strategies in its interrelations with heathenism in spite of the general negative attitude to it. The practice of swearing in the 10th-century Rus and the 10th to 13th century Iceland provides a striking example of this. Taking oaths is witnessed for Rus in the Russian-Byzantine treaties of the 10th century; for Iceland – in many mentions in the family sagas but first of all in the three similar ‘normative’ texts of the ‘peace oaths’ (*trygðamál*) preserved in the Icelandic law code *Grágás* and in two family sagas. Analyses of both complexes demonstrates cardinal difference in the appreciation of the pagan past. The procedure of taking oath after the conclusion of the treaty s.a. 944, the most representative of the three, was strictly differentiated for the ‘baptized’ and ‘unbaptized’ Rus, most probably under the influence of the Byzantine party. The former took oath according to the Christian ritual in a church ‘on the honorable cross’, the latter – according to their ‘law’ under the open sky on the gold ‘oath-rings’ and weapons. The fragments of the texts of the oaths included in the treaties concern sanctions on those who break the oath, and it is the sanctions that reveal a certain mixture of Christian and pagan notions. After the official adoption of Christianity in Rus the pagan ritual together with the accompanying text goes out of use and already in the mid-11th century the ritual of cross-kissing is witnessed. The pagan tradition thus is utterly eliminated and substituted by the Christian one. In Iceland the practice of taking a peace-oath, deeply archaic, deriving from the times before the migration to the island, continued up to the 14th century. Consisting mostly of alliterating pair formulas, the oath described the pagan world with its sanctuaries and sacrifices. However, appellations to Jesus Christ and God to stand surety for keeping the peace and be the ‘avenger’ for its break as well as some Christian actuals were incorporated in the text of the oath. The most important innovation was the usage of the Bible in the ritual of the oath-taking which is mentioned in the *Grágás* but left unnoticed in the sagas. The symbiosis of pagan and Christian notions in the text of the peace-oath was one of the manifestations of the general strategy of relative tolerance of the Icelandic church to heathenism.

Key words: oaths, heathenism, Christianity, Russian and Byzantine treaties of the 10th century, *Grágás*, Icelandic family sagas

DOI: 10.32608/1560-1382-2022-43-109-126